

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА

УДК 72.033

Е.И. Кононенко

Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении

Государственный институт искусствознания, г. Москва; j_kononenko@inbox.ru

В первые века исламизации Анатолии сложилась система патроната благотворительных мусульманских учреждений, которые превратились в крупные комплексы – куллие. Эти вакуфные комплексы создавали необходимую инфраструктуру для формирования новых районов. В статье на примере столичных городов – сельджукских Кайсери и Коньи, османских Бурсы и Эдирне – рассматривается использование благотворительных комплексов для программного развития квартальной застройки крупнейших сельджукских и османских городов. Куллие и сегодня выполняют ряд своих благотворительных функций, сохраняя изначальную роль общественных и духовных центров в городах Турции.

Ключевые слова: *благотворительность, полифункциональные комплексы, градостроение, турецкая архитектура.*

In the first few centuries of Anatolia islamization special patronage system of charitable Muslim institutions evolved. They turned into big complexes – *kulliyе*. These waqf complexes created necessary infrastructure for creating new districts. The usage of charitable complexes for development of quarterly building up in the biggest Seljuk and Ottoman cities is studied by the examples of Seljuk capitals – Kayseri and Konya and Ottoman capitals – Bursa and Edirne. Nowadays *kulliyе* also fulfill a series of functions while keeping their initial role as social and spiritual centers of Turkish cities.

Keywords: *welfare, kulliyе, multifunctional complexes, urban development, Turkish architecture.*

Уже вскоре после битвы при Манцикерте (1071 г.), открывшей дорогу в Анатолию направляемым Великими Сельджуками тюркам, перед новыми мусульманскими правителями бывших византийских земель встала задача организации жизни по новому образцу. Подобно арабам на полтысячелетия раньше, кочевники-тюрки, уже принявшие ислам и осознававшие себя гази – борцами за веру, в Анатолии столкнулись с развитой византийской городской культурой. Были возможны три варианта: 1) разрушить эту культуру и сохранить привычный кочевой образ жизни; 2) полностью интегрироваться в эту культуру; 3) приспособить эту культуру к собственным нуждам.

Даже краткого опыта знакомства тюрков с высокой культурой Халифата в Иране и Сирии оказалось достаточно, чтобы избежать первого варианта. Полной интеграции, однако, тоже не произошло. Как показывает опыт тюркского покорения Западной Анатолии уже после распада султаната Сельджуков Рума в XIV в., пришельцы не торопились перенимать административную систему ни Византии, ни Сельджуков. Например, хорошо изученный случай Тире – одного из важнейших городов княжества Айдын – показывает, что, взяв Аркадиополь на Меандре, открывший путь к Смирне и Эгейскому побережью, турки Мехмет-бея Айдыноглу сохранили этот византийский город практически в неприкосновенности и не вмешивались в его жизнь, однако и не финансировали его, ограничившись заселением, расширением и развитием расположенного на соседнем холме населенного пункта, собственно Тире: византийскому населению была предложена фактически вассальная автономия [4, с. 33–37].

Однако на Востоке Анатолии мусульмане занимали уже существующие города, в большинстве своем плотно заселенные и хорошо укрепленные, и перестраивали жизнь в них. Для отправления культа первоначально вполне хватало экспроприированных зданий церквей, но уже в конце XI и в течение XII вв. во многих крупных городах (Ди-

ярбакыре, Сиирте, Сильване, Мардине, Кайсери, Конье, Эрзеруме), обычно в их цитаделях, расширенных и укрепленных тюрками, строились большие мечети – Улу-джами, ставшие визуальными маркерами исламизации старых центров.

Однако к концу XII в. старые цитадели стали тесными для растущего мусульманского населения. Новые кварталы возникали уже вне старых стен, и центром этих новых поселений оказывались закладывавшиеся за городскими воротами благотворительные комплексы. Именно такие комплексы, позже получившие название куллие, составляют специфику развития сельджукских, а затем и османских городов. Эта анатолийская специфика складывается из двух факторов. Во-первых, такие «загородные» сооружения строились по частному заказу в рамках вакфа, управлялись специально созданными вакуфными фондами и сохраняли имя своего основателя, передавая его и окружающему кварталу, – впоследствии району города. Во-вторых, хотя центром таких комплексов всегда была мечеть, в их состав входил целый ряд учреждений, как специфически мусульманских (медресе, коранические школы), так и социальных (бани, больницы, постоянные дворы).

Продемонстрировать процесс обрастания города новыми кварталами вокруг мечетей можно на примере Кайсери, одной из столиц династии Данишмендидов, а затем и Сельджуков Рума [3, с. 138–141]. В 1140-х гг. в северо-западной части бывшей византийской Кесарии была построена Улу-джами (она же Султан-джами) – большая городская мечеть, планировка которой явно вдохновлена иранскими образцами, хорошо известными в Восточной Анатолии [6, с. 10–16]. Несколько десятилетий этого вместительного здания мусульманской общине Кайсери вполне хватало, но в конце XII в. в 400 метрах к западу от Улу-джами, уже за пределами городской стены, была заложена новая небольшая мечеть, очевидно соответствовавшая направлению расширения города. Уже в 1210 г., после присоединения Кайсери к султанату Рума, мечеть была расширена и превращена в медресе Атсыз Элти-хатун, а в XIV в. после реставрации пострадавшего от землетрясения здания некий Гюлюк Шемседдин построил по соседству хамам, название которого перешло и на старую мечеть (ныне она известна именно как Гюлюк-джами).

При Сельджуках Рума в 1206 г. около дороги на Сивас к северу от Султан-джами и примерно на таком же удалении, что и Гюлюк-джами, было построено Тип-медресе (Чифте-медресе) – учебный комплекс, включавший в себя богословский и медицинский колледжи. Показательно, что заказчиками его стали султан Гияс ад-Дин Кейхосров I и его сестра Гевнер Несибе [2; 7]. Почти на полвека Тип-медресе предопределило развитие Кайсери в северном направлении.

К 1238 г. напротив Новых (северо-восточных) ворот было закончено строительство комплекса Хуанд-хатун, возведенного под патронатом вдовы знаменитого Ала ад-Дина Кейкубада I и матери малолетнего правителя Кейхосрова II. В состав комплекса вошли мечеть, медресе, мавзолей, *хамам* (бани) и, вероятно, *имарет* (благотворительная столовая), и ансамбль Хуанд-хатун стал первым благотворительным полифункциональным религиозным комплексом подобного масштаба в сельджукской архитектуре, выполняя градообразующую функцию и направляя застройку на восток.

Уже через несколько лет перед юго-восточными воротами Кайсери появляется большая мечеть Хан-джами, здание которой перестроено из более раннего каравансарая. Сам факт, что постоянный двор утратил свою изначальную функцию, но появилась потребность в загородной мечети, демонстрирует включение пригорода в городскую черту [16, с. 64–67]. Видимо, тогда же к западу от Хан-джами возникает и мечеть, позже известная как Лале-джами. К сожалению, значительные перестройки XIV–XV вв. не позволяют ни точно датировать строительные этапы этих двух памятников, ни определить имена их патронов.

Таким образом, уже к середине XIII в., когда начиналось монгольское вторжение в Анатолию, старая цитадель Кайсери оказалась окружена кольцом мечетей и медресе, соответствовавших появлению новых жилых кварталов перед городскими воротами. Аналогичную картину дает и развитие столицы султаната Сельджуков Рума – Коньи: главная городская мечеть Алаеддин-джами, возведенная на доминирующем холме на месте византийской церкви [12, с. 28], в III четверти XIII в. оказалась окружена кольцом мечетей и медресе, сохранивших имена своих заказчиков (как правило – сельджукских визирей; некоторые из комплексов, например медресе Каратай и Индже минаре, стали местами их упокоения [5, с. 9; 19, с. 8–9]), а кроме того, архитектурные ансамбли, включавшие мечети, медресе, странноприимные дома и бани, стали появляться вне окружавшей Конью стены перед городскими воротами (например, комплексы Сахип Ата и Садреддин Коневи), где возникали поселения специализированных ремесленников [8, с. 49–76; 12, с. 43–47; 18, с. 72].

Однако установление власти монгольских ханов сократило строительную деятельность сельджукских правителей. Ослабление центральной власти вызвало рост активности (в т. ч. в сфере архитектурного патронажа) различного рода религиозных организаций – суфийских тарикатов, дервишеских общин, религиозно-ремесленных объединений. Во второй половине XIII в. роль «градообразующих предприятий» переходит от медресе великих визирей к дервишеским обителям – текке [1, с. 268–278; 17, с. 147, 279].

Несмотря на небольшие размеры, ограниченную вместительность и предельную архитектурную простоту, дервишеские обители весьма успешно выполняли и градо-строительную функцию [20, с. 48, 52, 57–59, 97–100]. Города Сельджуков Рума имели, как правило, один четко фиксированный центр – цитадель с находящимися внутри (как в Кайсери) или в непосредственной близости от нее (как в Конье и Эрзеруме) дворцом, большой мечетью и медресе; таким образом, административный, религиозный и интеллектуальный центры города совпадали, а вся остальная застройка оказывалась периферией по отношению к цитадели. В условиях ослабления султаната именно текке оказались новыми точками социальной консолидации, «низовой» альтернативой «государственному исламу» и официальным медресе. Они, в отличие от караван-сараяв, располагались внутри городских стен, но в отдалении от цитадели, чаще всего вблизи базаров, на полпути от городских ворот к историческому центру, потерявшему свое значение.

К концу XIII в. небольшие текке каппадокийских городов, дополняемые целым рядом помещений и даже отдельных зданий, превращаясь в многофункциональные комплексы и формируя вокруг себя необходимую инфраструктуру, децентрализовали сельджукские города. Показательным примером является комплекс Ахи Шерафеддин (Арсланхане) в Анкаре – мечеть, странноприимный дом и мавзолей, построенные за городскими воротами ремесленным братством Ахи и также ставшие структурирующим ядром нового квартала [14, с. 306–321].

Такие загородные комплексы в качестве градостроительных ячеек оказались предтечами раннеосманских куллие. Термин «куллие» восходит к арабскому *кюль* – «всё». Куллие – османские «религиозно-социальные комплексы», включавшие мечети, медресе, школы (мектеб), библиотеки, дервишеские обители (текке), а также больницы (дарушшифа, маристан), постоянные дворы (хан), благотворительные кухни и столовые (имарет), бани (хамам), фонтаны и необходимые для них акведуки. Создание подобных вакуфных благотворительных учреждений в Османской империи воспринималось как важная заслуга перед Аллахом, не прекращавшаяся и после смерти учредителя, чья гробница (тюрге) часто строилась на территории куллие.

Первым куллие считается комплекс из мечети и хамама, построенный в 1320-х годах Орханом Гази вне стен Изника, но от этих построек сохранились лишь фрагменты

фундаментов. Превращение куллие именно в центр городской инфраструктуры происходит в первой османской столице Бурсе, завоеванной турками в 1326 году.

Необходимо отметить два момента. Во-первых, ни единого архитектурного плана, ни единых функциональных приоритетов у куллие, видимо, никогда не существовало. Но если в Кайсери и Изнике мечеть дополняется хамамом, в более позднем куллие Нилуфер в Изнике основное место в ансамбле занимает имарет, в Анкаре и дамасской Сулеймание центром композиции становится текке, то ни одно куллие Бурсы не обходится без медресе, превращающихся из духовных училищ в «кузницу кадров» для формирующейся османской административной системы, остро нуждавшейся в грамотных чиновниках.

Во-вторых, Изник так и не вышел за пределы византийских стен, и первое османское куллие не оказало никакого влияния на планировку городка. В Стамбуле, Дамаске и других крупных центрах, перешедших под власть турок, уже существовала достаточно плотная городская застройка, и османские комплексы «вживлялись» в сложившийся организм византийских, сельджукских, арабских городов, меняя привычный облик кварталов. В Бурсе же османское строительство сосредоточивается на нижнем ярусе склона горы Улудаг – город «сползает» на лежащую ниже византийской крепости Хисара террасу, спускающуюся к долине Нилуфер и активно перестраиваемую и по сей день.

Именно здесь отчетливо видна градообразующая функция раннеосманских куллие: они становятся новыми градостроительными ядрами, «точками конденсации», вокруг которых формируются новые районы города, благо куллие предоставляли необходимый минимум инфраструктуры – мечеть, благотворительные столовые, водопровод (не говоря уже о студентах, чье присутствие способно было оживить и торговлю, и рынок недвижимости).

Уже в 1339 г. у подножия Хисара Орханом Гази строится Орхание-джами – небольшая мечеть-завие, не способная выполнять функцию большой городской мечети; зато полифункциональный комплекс, частью которого она была, включавший медресе, странноприимный дом, бани и благотворительную столовую, стал одним из первых в ряду такого рода османских градостроительных проектов. Орхан, сын Османа, четко продемонстрировал стремление расширять город на нижнюю террасу Улудага. Именно вокруг этого куллие впоследствии формировались кварталы базаров, обрастающие жилой застройкой и ставшие общественным и торговым, а после возведения знаменитой Улу-джами – и религиозным центром первой османской столицы. В 1966 г. Мурад I Худавендигар перенес официальную ставку и все военные ведомства в Эдирне, однако Бурса сохраняла статус места коронаций и оставалась местом упокоения султанов и членов их семей.

Придя к власти, Мурад I заложил на западной окраине Бурсы на не слишком удобном для строительства уступе склона комплекс Худавендигар. Местная легенда рассказывает, что место для строительства было обнаружено в ходе преследования оленя во время царской охоты; однако можно указать другую, более реалистичную причину выбора достаточно отдаленного от Хисара места для нового куллие: ниже по склону расположены знаменитые еще со времен Юстиниана термальные источники, где тем же Мурадом I в 1389 г. были построены бани Эски-Каплыджа; более того, существуют упоминания о том, что в окрестностях Прусы на холме над целебными источниками, т. е. именно на месте куллие Худавендигар, располагался византийский дворец.

Центром комплекса является мечеть Худавендигар-джами (закончена ок. 1385), в которой также совмещены функции завие и медресе, для которого выделен второй этаж постройки. В состав комплекса вошли также имарет, кораническая школа и мавзолей самого султана, тело которого было доставлено в Бурсу с Косова поля. Тем самым османский султан повторяет действия членов семей сельджукских правителей, строив-

ших мавзолее либо в непосредственной близости от основанной ими мечети, либо даже на периферии здания медресе в расчете на регулярные поминания имени благодетеля. Комплекс Худавендигар замкнул западную оконечность нижней террасы Бурсы и стал центром отдаленного квартала вокруг термальных источников, постепенно сросшегося с основной городской застройкой.

В правление сына Мурада, Баязида I Йилдырыма (Молниеносного), Бурса приобрела несколько памятников, прежде всего – грандиозную Улу-джами рядом с куллие Орхание. Однако еще до строительства Большой мечети и всего через пять лет после окончания строительства комплекса Худавендигар (в 1390 году) Баязид заложил мемориальное куллие Йилдырым, от которого сохранились мечеть, медресе, фонтан, вода к которому подводилась по специально построенному акведуку, и завершенная в 1406 г. гробница. В вакуфной записи от 1400 г. упоминаются также несохранившиеся дворец, дервишеская обитель завие, постоянный двор, больница, хамам и общественная столовая (имарет) [15, с. 17].

Таким образом, новый комплекс, имея, говоря современным языком, религиозное, образовательное, торговое, медицинское учреждения, предприятие общественного питания и места для размещения прибывающих и транспорта, а также автономное водоснабжение, обладал самостоятельной инфраструктурой, необходимой для того, чтобы стать ядром вырастающего вокруг него жилого квартала, превращающегося в отдельный городской микрорайон.

По поводу «предприятий общественного питания»: строительство и содержание благотворительных столовых или кухонь было весьма важным богоугодным актом, сильным даже для провинциальной знати. В турецких источниках приводятся сведения о существовании только в XIV–XV вв., помимо нескольких султанских, 24-х имаретов в Бурсе и 7-ми – в Изнике, основанных частными филантропами, многие из которых были государственными чиновниками [10, с. 22].

Куллие Йилдырым, один из крупнейших раннеосманских ансамблей, было построено на вершине холма в восточной части Бурсы, на отдалении от застраиваемой вокруг базаров жилыми кварталами террасы. На некоторое время оно оказалось маркером восточной оконечности города, аналогично тому, как на западе таким же пределом служило куллие Худавендигар. Расположенные на возвышениях мемориальные комплексы двух последовательно правивших султанов замыкали старую Бурсу с северо-востока и северо-запада, задавая направления для развития города и создавая условия для активной периферийной застройки.

Следующий этап возведения куллие в Бурсе приходится на 10–20-е годы XV в. и знаменуется освоением возвышенных участков нижней террасы между центром города и уже существующими пригородами.

К 1425 г. закончен заложенный Мехмедом I Челеби комплекс Йешил («Зеленый»). Куллие, в состав которого входили мечеть, медресе, имарет, хамам и нормативный для турецкой архитектуры Зеленый мавзолей, расположено на вершине холма к востоку от базаров, примерно на полпути от Улу-джами к району Йилдырым. Находящийся на другом берегу горной речки Гёкдере комплекс Йешил предопределил развитие городской застройки вверх по склону Улудага в восточном и юго-восточном направлении.

К 1428 г. к северо-западу от центра города следующим султаном Мурадом II строится куллие Мурадие – последний султанский мемориальный комплекс в Бурсе (уже сын Мурада – Мехмет II Фатих (Завоеватель) – перенесет монарший некрополь в завоеванный им Стамбул). Помимо обычных мечети, медресе, имарета и хамама в состав куллие Мурадие вошел целый десяток отдельно стоящих гробниц членов семьи султана. От Улу-джами новое куллие расположено примерно на таком же расстоянии, как и Йилдырым, и поставлено на обрыве нижней террасы, симметрично замыкая образованную рельефом местности дугу. Равноудаленность от Хисара и района базаров, близость

к дороге, ведущей к морю, и обычная для раннеосманских куллие развитая инфраструктура Мурадие предопределили сложение вокруг одноименного городского района.

Именно куллие, функционируя не только как религиозно-мемориальные, но и как социальные комплексы, обладающие необходимой инфраструктурой, успешно выполняли в растущей Бурсе функцию ядра городской застройки. Выбор места для основания пяти раннеосманских куллие предопределяет развитие сначала нового центра Бурсы вокруг Орхание, затем, в конце XIV в. – пригородных районов вокруг комплексов Худавендигар и Йилдырым, замыкающих естественную террасу под Хисаром, и в первой трети XV в. – районов Йешил и Мурадие, фланкирующих центр и позволяющих городу расти вверх по склонам Улудага. Когда эти возможности роста будут исчерпаны, Бурса начнет развиваться на север, вниз, к долине Нилуфер.

Однако в раннеосманской архитектуре иногда градостроительный замысел, связывавшийся с основанием куллие, оказывался по тем или иным причинам не реализован. Пожалуй, наиболее показателен здесь пример куллие Гази Михал (оно же Орта-имарет) в Эдирне – европейской столице Османского государства.

Орта-имарет датируется 1422 г. (хотя дата эта спорна) [9, с. 174; 13, с. 10] и представляет собой довольно странный ансамбль, расположенный на ведущей в Софию и Белград дороге на обоих берегах р. Тунджи, соединенных перестроенным византийским мостом: на восточном берегу находился хамам, на западном – мечеть и кухни имарета, еще присутствующие на старых фотографиях. Не очень понятен выбор места для строительства нового куллие – оно оказалось практически равноудалено от жилых кварталов Эдирне, его западного пригорода – деревни Йилдырым – и расположенного южнее Нового дворца султана Мурада II [11, с. 121]. Однако ядром нового поселения Орта-имарет не стал. Застройка ни Эдирне, ни махаллы Йилдырым, уже имевшей собственную мечеть, сюда, до правого берега Тунджи, не дотянулась до сих пор. Мечеть и кухни оставались одиноким комплексом построек у начала длинного моста через долину Тунджи в нескольких минутах ходьбы от пригородов Эдирне, потом осталась одна придорожная мечеть с расположенным около нее маленьким кладбищем практически в чистом поле, однако она имела постоянного имама и открывалась ко времени молитвы.

Таким образом, благотворительные мусульманские учреждения, каковыми являлись полифункциональные комплексы – османские куллие и их сельджукские предтечи, сознательно использовались как ядро будущей городской застройки, они создавали необходимую для роста поселения социальную инфраструктуру и должны считаться специфическим фактором раннетурецкого градостроения, опиравшимся на представления о необходимой исламской благотворительности. Этот фактор уже не мог полноценно сработать ни в густо застроенном Стамбуле, ни, например, в Дамаске; однако огромные куллие, построенные по заказу султанов, членов монаршей семьи и высших чиновников Османской империи в уже существовавших городских кварталах, стали ядрами турецкой перепланировки и «османизации» старых городов. Структурирующая функция этих комплексов закрепилась в названиях окружающих их районов – Мурадие, Фатих, Баязид, Сулеймание, Селимие и т. д., и таким образом, свою мемориальную функцию – увековечивание памяти о заказчике – куллие успешно продолжают выполнять.

Необходимо отметить, что в городах современной Турции раннеосманские куллие по-прежнему играют роль и центров общественной и духовной жизни. С их минаретов раздается азан, мусульмане пользуются их мечетями, а в зданиях медресе расположены музеи, выставочные залы, научные учреждения, кафе. Привлекающие туристов памятники архитектуры неизбежно вызывают к жизни антикварные лавки, сувенирные базары, развалы букинистов. Окружающие куллие скверы часто оказываются единственными зелеными зонами в плотной застройке исторической части городов и остаются

любимым местом отдыха. Благотворительные замыслы основателей куллии реализуются и по сей день.

Литература

1. Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М., 1989.
2. Akok M. Kayseri’de Gevher Nesibe Sultan Daruşşifasi ve Sahabiye Medresesi Rolove ve Mimarisi // Turk Arkeoloji Dergisi. – 1968. – D. XVII, № 1.
3. Bayram M. Danismend Oğullari’nin Dini ve Milli Siyaseti // Selcuk Universitesi Turkiyat Arastirmalari Dergisi (Konya). – 2005. – № 18.
4. Caner C. Townscape and Building Complexes in Medieval Western Anatolia under Turkish-Islamic Culture // Power and culture: identity, ideology, representation. – Pisa, 2007.
5. Crane H. Materials for the Study of Muslim Patronage in Saljuq Anatolia: The Life and Works of Jalâl-Al-Dîn Qaratâi. – Harvard, 1975.
6. Heritage of The Great Seljuks. Architecture. – V. 3. – Istanbul, 2013.
7. İnan A. Kayseri Gevher Nesibe Sifaiyesi (H. 602–M. 1206). – Ankara, 1969.
8. Karamağarali H. Sahipata Camii’nin Restitusyonu Hakkında Bir Deneme // Rolove ve Restorasyon Dergisi. – 1982. – № 3.
9. Kiel M. The incorporation of the Balkans into the Ottoman Empire // The Cambridge History of Turkey. – Vol. I: Byzantium to Turkey, 1071–1453. – Cambridge, 2009.
10. Kuran A. The mosque in early Ottoman architecture. – Chicago, 1968.
11. Kuran. A Spatial Study of Three Ottoman Captials: Bursa, Edirne, and Istanbul // Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. – 1996. – Vol. XIII.
12. Onge M. Conservation of cultural heritage on Alaeddin hill in Konya from the 19th century to present day. – Ankara, 2011.
13. Oğuz Z. Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization. – Ankara, 2006.
14. Oral M.Z. Ahi Şerafettin Türbesi ve Sandukasi // Milletlerarasi 1. Türk Devre Sanatları Kongresi. Kongre sunulan tebliğler. – Ankara, 1962.
15. Orbay I. Bursa. – Istanbul, 1983.
16. Ozbek Y., Arslan C. Kayseri tasınmaz kultur varliklari envanteri. – C. I. – Kayseri, 2008.
17. Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. – L. – NY, 2002.
18. Rogers M. Waqf and Patronage in Seljuk Anatolia // Anatolian Studies. – 1976. – № 26.
19. Saoud R. Muslim architecture under Seljuk patronage (1038–1327) // Foundation for Science, Technology and Civilization. – 2003. – № 4.
20. Wolper E.S. Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia. – Pennsylvania, 2003.

Поступила в редакцию 27.10.2014 г.